

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ

Вторник 16 апреля 1946 года, 11 ч. утра Хонтер колледж, Нью-Йорк

Председатель: Г-н ГО Тай-чи (Китай)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции.

29. Предварительная повестка дня (S/38)

1. Утверждение повестки дня.
2. а) Письмо представителя Союза Советских Социалистических Республик от 6 апреля 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности (S/30)⁶⁰.
б) Письмо иранского посла от 9 апреля 1946 г. на имя Генерального Секретаря (S/33)⁶¹.
в) Письмо иранского посла от 15 апреля 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности (S/37)⁶².
3. а) Письмо польского посла от 8 апреля 1946 г. на имя Генерального Секретаря (S/32)⁶³.
б) Письмо польского посла от 9 апреля 1946 г. на имя Генерального Секретаря S/34)⁶⁴.

30. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

31. Обсуждение иранского вопроса (продолжение)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Что касается пункта 2, т. е. иранского вопроса, я только что получил от представителя Франции проект резолюции, который был разослан всем, так же как и меморандум, адресованный Генеральным Секретарем Председателю Совета. Прошу переводчика огласить оба эти документа.

Переводчик оглашает следующие документы: Проект резолюции, внесенный представителем Франции

«Совет Безопасности,

вновь рассмотрев на своих заседаниях 15 и 16 апреля вопрос, поставленный им 26 марта 1946 г.⁶⁵ по требованию иранского правитель-

ства на повестку дня и бывший предметом его резолюции от 4 апреля⁶⁶;

принимает к сведению письмо от 15 апреля, адресованное ему представителем иранского правительства, в котором последнее уведомляет Совет Безопасности о том, что оно берет обратно свою жалобу⁶⁷;

отмечает, что между обоими заинтересованными правительствами достигнуто соглашение;

предлагает Генеральному Секретарю собрать необходимую информацию для внесения в доклад Совета Безопасности, подлежащий представлению, согласно статье 24 Устава, Генеральной Ассамблее, дополнительных сведений относительно мер, принятых Советом в связи с вопросом, поставленным на его повестку дня 26 марта сего года по требованию иранского правительства и взятым теперь обратно».

Меморандум Генерального Секретаря (S/39)

«Считаю желательным представить Вам мои соображения относительно юридической стороны вопроса об оставлении на повестке дня Совета Безопасности дела, касающегося Ирана. Решение, принятое Советом по настоящему вопросу, может установить важный прецедент для будущего, и мне представляется целесообразным обсудить этот вопрос особенно осторожно, чтобы избежать установления прецедента, который позднее может создать затруднения.

Я представляю здесь на Ваше усмотрение свои соображения, с тем чтобы Вы могли использовать их так, как это Вам будет угодно.

18 марта 1946 г. представитель Ирана, согласно пункту 1 статьи 35 Устава, довел до сведения Совета Безопасности о споре между Ираном и Союзом Советских Социалистических Республик, «продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности». 4 апреля Совет решил отложить дальнейшее обсуждение иранского обращения до 6 мая. 15 апреля представитель Ирана уведомил Совет Безопасности, что правительство Ирана берет обратно внесенную в Совет жалобу. До этого представитель Советского Союза просил о снятии иранского вопроса с повестки дня Совета Безопасности.

Рассмотренный вчера Советом Безопасности вопрос сводится к тому, может ли, без нарушения соответствующих правил, иранская проблема оставаться на повестке дня, несмотря на то, что обе стороны уже просили о снятии ее с повестки дня.

⁶⁰ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2е.

⁶¹ Там же, приложение 2г.

⁶² См. тридцать второе заседание.

⁶³ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 3а.

⁶⁴ Там же, приложение 3б.

⁶⁵ См. двадцать шестое заседание.

⁶⁶ См. тридцатое заседание.

⁶⁷ См. тридцать второе заседание.

Полномочия Совета Безопасности установлены в главе VI Устава следующим образом:

Согласно статье 33, Совет может предложить сторонам, участвующим в споре, разрешить спор путем переговоров, обследования и проч. Согласно статье 34, Совет может расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор. Согласно статье 36, Совет может рекомендовать надлежащую процедуру для разрешения спора, имеющего характер, указанный в статье 33, или ситуации подобного же характера. Согласно статье 37, Совет может решить действовать согласно статье 36, если Совет считает, что продолжение данного спора могло бы действительно угрожать поддержанию международного мира и безопасности. И наконец, согласно статье 38, если все стороны, участвующие в споре, об этом просят, Совет может делать сторонам рекомендации с целью мирного разрешения спора.

Необходимо заметить, что вопрос о споре или ситуации может быть внесен на рассмотрение Совета Безопасности одним из следующих трех способов: 1) согласно статье 35 — каким-либо государством, 2) согласно статье 34 — самим Советом Безопасности, и 3) согласно статье 99 — Генеральным Секретарем.

В данном случае статья 99 очевидно не применима. Совет Безопасности не действовал согласно статье 34, а именно не было назначено расследования спора, что является единственной возможной мерой, предусмотренной этой статьей. Следовательно, эта статья не применима в настоящее время и не может быть применима до тех пор, пока не будет назначено расследование.

Первоначально этот спор был внесен на рассмотрение Совета согласно пункту 1 статьи 35. Теперь же, когда Иран взял обратно свою жалобу, Совет не может действовать на основании статей 33, 36, 37 или 38, так как необходимого условия для применения этих статей, а именно спора между двумя или более сторонами, не существует. Единственная статья, на основании которой Совет вообще может теперь действовать, — это статья 34. Но эта статья, как уже было сказано, могла бы быть применена только при принятом решении расследовать вопрос, чего в данном случае не было сделано и даже не было предложено сделать.

Таким образом, можно утверждать, что, по взятии обратно представителем Ирана своей жалобы, вопрос автоматически снимается с повестки дня, кроме как в одном из следующих трех случаев:

а) если Совет Безопасности решит произвести расследование, предусмотренное статьей 34, или

б) если какой-либо член Организации внесет на рассмотрение Совета данное положение как спор или ситуацию, предусмотренные статьей 35, или

в) если Совет решит действовать на основании пункта 1 статьи 36, что, повидимому, требует предварительного установления того, что

налицо имеется спор, предусмотренный статьей 33, или ситуация подобного же характера.

Довод, который может быть приведен против точки зрения, защищающей автоматическое снятие вопроса с повестки дня, заключается в том, что раз вопрос внесен на рассмотрение Совета, он перестает быть вопросом, касающимся только сторон, непосредственно в них заинтересованных, а становится вопросом, в котором Совет, являющийся представителем всей Организации Объединенных Наций, коллективно заинтересован. Может быть это и так, но тогда, повидимому, единственным средством проявления этого интереса может быть применение статьи 34 или пункта 1 статьи 36.

Раз Совет решил не применять статью 34 тем единственным путем, которым она только и может быть применена, а именно путем постановления о производстве расследования, а также решил не применять и пункта 1 статьи 36 путем признания, что существует спор, предусмотренный статьей 33, или ситуация подобного же характера, то в таком случае для Совета повидимому нет никакой иной возможности продолжать рассмотрение этого спора».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я предлагаю передать меморандум Генерального Секретаря Комитету экспертов на предмет его рассмотрения и доклада о нем до принятия Советом Безопасности каких-либо решений по этому поводу. Я получил этот документ как раз в тот момент, когда входил в эту комнату, так что ни я, ни остальные члены Совета не имели возможности его изучить. Если члены Совета согласны, я предлагаю передать меморандум Комитету экспертов.

А. А. ГРОМЬКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хотел бы знать, имеет ли Председатель в виду предложить какой-либо срок для завершения этой работы Комитетом экспертов. Мне кажется, что двух дней было бы достаточно для изучения этого вопроса Комитетом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Если остальные члены Совета согласны, то я лично не возражаю против того, чтобы Комитет экспертов представил свой доклад Совету, скажем, в четверг.

За неимением возражений, предложение принято.

Теперь, я думаю, мы можем продолжать обсуждение вопроса с того, на чем мы остановились вчера.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Представитель СССР подверг вчера сомнению мотивы, которыми руководствуется правительство Соединенных Штатов в этом вопросе. Я искренно сожалею, что он это сделал, так как я глубоко сознаю, что участие в работе того высокого органа, каким является Совет, налагает громадную ответственность. По моему мнению, мы все должны избегать того, чтобы позволять себе выступать с осуждением мотивов того или иного государства-члена Организации.

За все время обсуждения так называемого иранского вопроса мое правительство руководилось лишь стремлением к достижению целей, указанных Уставом Организации Объединенных Наций. Как государственный секретарь Бернс, так и я, мы оба тщательно избегали ставить под сомнение мотивы того или другого из членов Организации, и я не буду поэтому больше распространяться на эту тему, но перейду к существу рассматриваемого нами в настоящее время вопроса.

Мы обсуждаем предложение представителя СССР о немедленном снятии данного вопроса с повестки дня. Я хочу указать по этому поводу на то, что представитель СССР продолжает настаивать на своем утверждении, выдвинутом им в своем письме от 6 апреля, будто все действия Совета, включая резолюцию, принятую на тридцатом заседании 4 апреля, незаконны и противоречат Уставу. Я полагаю, что при рассмотрении предложения СССР Совет не должен допустить, чтобы последующее заявление Ирана, полученное 15 апреля, о взятии обратно своей жалобы, могло отвлечь внимание Совета от рассмотрения этого необоснованного обвинения.

Здесь было заявлено, что простое взятие членом Организации Объединенных Наций своей жалобы обратно само по себе лишает Совет права сохранить данный вопрос на повестке дня. Я лично не могу согласиться с таким толкованием, будто Совет не имеет права оставить вопрос на повестке дня вследствие взятия иранским правительством своей жалобы обратно.

Ввиду тех полномочий, которыми обладает Совет, весь вопрос сводится к тому, дает ли настоящее положение вещей достаточное основание для отмены резолюции от 4 апреля. По мнению правительства Соединенных Штатов и, повидимому, других членов Совета, выступавших по этому вопросу вчера, Совет поступил бы неразумно, если бы исключил иранский вопрос из своей повестки дня, уступая просьбе о том заинтересованных сторон.

Члены Совета, мне кажется, ясно сознают, что главным фактором в этом вопросе, тем самым, который, с точки зрения самого иранского правительства побудил с самого начала это правительство представить данный вопрос на рассмотрение Совета Безопасности, было действительное присутствие вооруженных сил СССР на территории Ирана после срока истечения Трехстороннего договора⁶⁸ и вопреки протесту иранского правительства. Совет не может не считаться с тем фактом, что внезапное изменение иранским правительством той позиции, которой оно твердо держалось до вчерашнего дня, произошло в тот момент, когда советские войска все еще продолжают оставаться на территории Ирана.

Хочу добавить еще один пункт. Оставление этого вопроса на повестке дня, предусмотренное резолюцией от 4 апреля, не представляет собой, как намекали некоторые члены Совета, нарушения суверенных прав или независимости Ирана и не затрагивает соглашений, уже заклю-

ченных между сторонами. Напротив, это дает сторонам возможность показать Совету и всему свету, что то доверие, с которым Совет отнесся к их заверениям по этому поводу, вполне заслуженно.

Процедура, предложенная в резолюции от 4 апреля, даст Совету возможность 6 мая или раньше, — если увод войск завершится до этого срока, — разрешить этот вопрос в согласии с налагаемыми Уставом обязательствами.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хочу сделать лишь несколько замечаний. Вчера в своем заявлении я указал на то, что невозможно в одно и то же время быть заинтересованным в быстром и спокойном урегулировании разногласий между Советским Союзом и Ираном и одновременно настаивать на том, чтобы иранский вопрос сохранить на повестке дня Совета Безопасности в то время, когда между Ираном и Советским Союзом достигнуто соглашение по всем спорным вопросам. Я подчеркиваю: достигнуто соглашение по всем спорным вопросам.

Я назвал в своей вчерашней речи вещи своими именами, независимо от того, согласен ли г-н Стеттиниус со мной или нет.

Для того чтобы еще раз подчеркнуть непоследовательность и нелогичность американских представителей, я укажу на тот факт, что при обсуждении советского предложения о невключении иранского вопроса в повестку дня Совета Безопасности американский представитель указывал, что препятствием к принятию этого предложения является то обстоятельство, что иранское правительство не согласно с этим предложением. По этому вопросу г-н Бернс выступал несколько раз. Но сейчас положение изменилось. Сейчас имеется не только советское предложение о снятии иранского вопроса с повестки дня Совета Безопасности, но сейчас само иранское правительство сняло свое обращение в Совет Безопасности.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Вопрос в упрощенном виде сводится, по-моему, к следующему. Кто хозяин повестки дня — Совет или государства, являющиеся сторонами при данном споре или ситуации?

Мне представляется логичным, что один лишь Совет имеет право решить, что должно и что не должно стоять на повестке дня. Не стороны, а Совет соглашается на включение вопроса в повестку дня; не стороны, а только лишь Совет имеет право его оттуда изъять.

Это подтверждается и подчеркивается Уставом, предоставляющим некоторым органам Объединенных Наций права и обязанности, которые не зависят от желания спорящих сторон. Таковыми являются права и обязанности Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и Генерального Секретаря.

Здесь указывалось на то, будто сохранение этого вопроса на повестке дня представляет собой нарушение суверенных прав государств-членов Организации. Я разделяю мнение г-на Стеттиниуса, что это не так. Члены Совета не обла-

⁶⁸ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2b, стр. 13.

дают большим авторитетом, чем Совет. У членов Совета имеются свои права и обязанности, а у Совета — свои права и обязанности.

Наконец, — и мне хочется сейчас придать моему аргументу общий характер, совершенно независимо от иранского вопроса, — я считаю своим долгом обратить внимание на опасные последствия, связанные с мнением, будто стороны одни только могут судить о том, должен ли тот или иной вопрос быть оставлен на повестке дня. Я боюсь, что если такое толкование будет принято, то это широко откроет дверь для всяких злоупотреблений, ибо в конфликтах между великими державами, в конфликтах между малыми государствами, а в особенности в спорах между великой державой и малым государством велико будет искушение путем дипломатического давления принудить стороны, внесшие предложение о включении вопроса в повестку дня, взять свое заявление обратно. Конечно, это не соответствует духу Устава.

Можно возразить, что подобного рода давление может быть произведено и в более ранней стадии, до внесения вопроса на рассмотрение Совета Безопасности, с целью предотвратить таковое внесение. Возможно, что это так, хотя я положительно знаю, что внесение вопроса на рассмотрение Совета Безопасности в общем не рассматривается как нечто заключающее в себе какой-то враждебный акт. Но как бы то ни было, мы не желаем оставлять дверь открытой для большего, нежели это неизбежно, дипломатического воздействия.

Предлагаемое мной толкование является единственным, согласным по моему мнению с духом и буквой Устава и с элементарной логикой. Я повторяю, что не сторона, а сам Совет включает тот или иной вопрос в повестку дня Совета. Точно так же несомненным мне представляется, что Совет один решает, следует ли, или нет, удовлетворить просьбу о снятии вопроса с повестки дня Совета.

По указанным причинам я продолжаю держаться того толкования, которое я изложил вчера и которое я имею честь разделять со столь многими из моих выдающихся коллег.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): В ответ на последние замечания представителя СССР я хочу только высказать уверенность в том, что если он внимательно прочитает резолюцию от 4 апреля, то найдет в ней много других оснований, кроме упомянутых им, в пользу принятия мер, предлагаемых делегацией Соединенных Штатов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мне кажется, что все члены Совета изложили свой взгляд на требование представителя СССР о снятии иранского вопроса с повестки дня. В качестве представителя Китая, я хотел бы сделать по этому поводу несколько замечаний.

Здесь высказывалась мысль, что если иранский вопрос не будет снят с повестки дня, как того требуют заинтересованные стороны, то это будет означать, что государству отказывают в праве взять обратно жалобу, которая была им внесена в Совет. Но Совет обязан со своей стороны проявлять интерес к вопросам, о которых

упоминает Устав. Наряду с этой обязанностью Совет имеет, я думаю, право определять время и способ рассмотрения вопроса, представленного ему надлежащим образом, независимо от того, был ли этот вопрос внесен государствами-членами Организации или принят Советом на рассмотрение по его собственной инициативе.

В данном случае извещение о состоявшемся между правительствами СССР и Ирана соглашении вызывает во мне и, я думаю, во всех членах Совета желание верить, что к 6 мая ситуация будет разрешена в удовлетворительном для заинтересованных сторон смысле и в соответствии с духом Устава. И мне кажется, я буду действительно выразителем искренних чувств большинства сидящих за этим столом представителей, если выскажу надежду, что Совет будет 6 мая избавлен от необходимости продолжать обсуждение иранского вопроса.

Если предложение представителя СССР должно быть поставлено на голосование, как я предлагаю сейчас это сделать, то я останусь верным резолюции от 4 апреля.

Прошу Совет приступить теперь к голосованию.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Прошу слова к порядку ведения заседания.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Я также прошу слова к порядку ведения заседания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Может быть, прежде чем ставить предложение представителя СССР на голосование, мне следовало бы спросить у членов Совета, желают ли они дожидаться получения доклада Комитета экспертов по поводу меморандума, представленного мне Генеральным Секретарем. Дело Совета решить это.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): Это как раз то, что я хотел спросить: если мы не примем этой процедуры, я не понимаю смысла принятого нами сегодня утром решения.

Я высказал вчера мое мнение; несмотря на все возражения, выдвинутые против него даже еще сегодня утром, я повторяю, что по моему Совет не должен оставлять на своей повестке дня какого-либо вопроса, когда обе заинтересованные стороны высказываются за его снятие и, в особенности, когда Совет имеет дело с точно сформулированной просьбой стороны, подавшей жалобу, о взятии этой жалобы обратно. Мне кажется, для будущего Организации Объединенных Наций было бы опасно вводить в данном вопросе новую практику. В противоположность тому, что говорил представитель Нидерландов, я считаю такого рода практику противоречащей духу Устава, в частности его статье 33; кроме того, для включения вопроса в повестку дня Устав предлагает нам целый ряд других способов; мы должны держаться одного из этих способов, если желаем, чтобы какой-либо вопрос был поставлен на повестку дня или сохранен на ней.

Я совершенно в этом убежден и должен сказать, что моя точка зрения находит себе поддержку в представленном сегодня утром меморандуме Генерального Секретаря; мне кажется, он в этом со мной согласен.

Поэтому я прошу, чтобы до принятия окончательного решения по этому вопросу мы дождались доклада Комитета экспертов, который должен подвергнуть изучению меморандум Генерального Секретаря.

В следующий четверг, когда мы получим этот доклад, я попрошу поставить сперва на голосование мою резолюцию. Я, со своей стороны, согласен ее слегка изменить, если это будет необходимо, в свете доклада Комитета экспертов, который должен представить нам свое заключение по поводу соображений юридического характера, высказанных Генеральным Секретарем, за что я хотел бы выразить ему мою благодарность.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я просил слова к порядку ведения заседания, чтобы выразить свое удивление по поводу процедуры, которой мы сегодня следуем. Генеральный Секретарь представил нам заключение юридического характера вместе с предложением о передаче этого заключения на рассмотрение Комитета экспертов, а после этого мы продолжаем обсуждать этот вопрос, совершенно не считаясь с мнением Генерального Секретаря. Позволяю себе обратить внимание Совета на то, что Генеральный Секретарь является высоким должностным лицом Организации Объединенных Наций, облеченным, согласно Уставу, особыми и важными полномочиями, и что мы не можем приступить теперь к голосованию, как будто бы его мнение не имеет значения или просто не существует.

Совет Безопасности представляет собой орган, действующий по известным правилам, изложенным в Уставе. Некоторые из членов Совета могут, правда, считать, что Устав имеет несовершенство. Против этого нельзя ничего возразить. Каждый имеет право держаться такого мнения, и желающие могут внести на ближайшей сессии Генеральной Ассамблеи предложения об изменении некоторых статей Устава. Но пока этого еще не произошло, Устав является для нас законом, и мы не можем принимать решений, противоречащих Уставу. Это, я думаю, ограничивает сферу наших действий и решений.

Ввиду этого, я предлагаю не голосовать сегодня внесенного представителем СССР предложения, но ознакомиться сперва с докладом Комитета экспертов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я вполне согласен с тем, что мы не можем ставить на голосование предложения представителя СССР, пока Комитет экспертов не сообщит нам результатов своего рассмотрения меморандума Генерального Секретаря. Причина, почему я предложил приступить к голосованию, была та, что г-н Громыко вчера дал свое согласие на производство по этому вопросу голосования. Но ввиду дальнейшего развития событий и представления Генеральным Секретарем меморанду-

ма, я вполне согласен на то, чтобы голосование было отложено.

Что касается замечания моего польского коллеги, что Генеральный Секретарь является высоким должностным лицом Секретариата, я с этим совершенно согласен. Но я должен ему указать, что в статье 97 главы XV сказано определено: «Генеральный Секретарь назначается Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности. Генеральный Секретарь является главным административным должностным лицом Организации». Таким образом, какие бы мы ни получали от него указания, — и я уверен, что Советом будут придаваться его указаниям должный вес и значение, — принятие решения все же принадлежит Совету.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Г-н Председатель, вы в своем выступлении коснулись трех вопросов. Как мне кажется, по всем трем вопросам вы дали не совсем точную и не совсем правильную интерпретацию. Сейчас Совет Безопасности имеет не только советское предложение. Такая ситуация существовала до вчерашнего дня. Сейчас Совет Безопасности имеет такое положение, когда не только существует советское предложение, но и тот факт, что иранское правительство взяло обратно свое заявление, поданное раньше в Совет Безопасности. Как же забывать об этом факте, который мы на протяжении уже двух заседаний обсуждаем, а между тем вы о нем не говорите.

Второе замечание: мы вынесли сегодня решение передать меморандум, подготовленный Генеральным Секретарем, на заключение Комитета экспертов. Как же можно голосовать, т. е. принимать решение по вопросу, к которому как раз и относится меморандум, подготовленный Генеральным Секретарем? Я не против голосования в любое время, в том числе и на этом заседании Совета Безопасности. Но раз мы решили, что меморандум, подготовленный Генеральным Секретарем, должен быть передан в Комитет экспертов, как же мы можем сейчас голосовать или принимать решение?

Что касается функций Генерального Секретаря, — этот вопрос возник здесь попутно, — то, конечно, они более серьезные и более ответственные, нежели были здесь охарактеризованы. Достаточно указать на одну статью Устава, чтобы прийти именно к такому заключению, к заключению о весьма большой ответственности, возлагаемой на Генерального Секретаря. Статья 99 гласит: «Генеральный Секретарь имеет право доводить до сведения Совета Безопасности о любых вопросах, которые, по его мнению, могут угрожать поддержанию международного мира и безопасности». Тем более Генеральный Секретарь имеет право и, более того, обязан делать доклады по различным аспектам тех вопросов, которые рассматриваются Советом Безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Позволяю себе заметить представителю СССР, что единственной причиной моей ошибки было то, что я не принял во внимание меморандума Генерального Секретаря, когда в первый раз предложил поставить вопрос на голосование. Но

затем я сразу понял свою ошибку и был готов отложить вопрос о голосовании.

Но что касается взятия обратно иранской жалобы, то это было первым вопросом, на который наше внимание было обращено на вчерашнем заседании, и по этому поводу имели место прения. Когда представитель СССР согласился на то, чтобы приступить к голосованию, прения уже сильно затянулись и день склонялся к вечеру. Я не забыл того, что Иран взял свою жалобу обратно; единственное, о чем я запомнил, — это о представленном Генеральным Секретарем меморандуме, который, как я затем отдал себе в том отчет, должен быть рассмотрен до голосования.

Теперь, мне кажется, все согласны с тем, что нельзя продолжать дальнейшее обсуждение иранского вопроса, пока не будет получен доклад Комитета экспертов, и мы назначили срок его представления на четверг. Затем он должен быть роздан и рассмотрен различными членами Совета, так что, по моему мнению, мы сможем собраться для обсуждения иранского вопроса не ранее будущей пятницы и у нас остается... впрочем, назначение даты следующего заседания будет делом моего преемника.

На повестке дня у нас стоит еще один пункт, именно испанский вопрос, поднятый польским послом.

Сейчас, я думаю, уже слишком поздно, чтобы начать обсуждение этого вопроса, тем более что у членов Совета имеются еще другие дела сегодня днем. Поэтому, если все согласны, я предлагаю закрыть заседание, а дату следующего заседания назначит представитель Египта, который меня сменит на председательском месте.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Ввиду того что сегодня последний день председательства представителя Китая в Совете Безопасности и что уважаемый представитель Египта, следуя принятому на заседании Совета в Лондоне правилу о ежемесячном чередовании всех членов Совета, вступит в эту должность завтра, то я желал бы сейчас выразить Председателю, насколько я ценю заслуги, оказанные им Совету в качестве его возглавителя в трудные дни наших первых заседаний на территории Соединенных Штатов.

Мы рады, что в то время, когда Совету пришлось функционировать без установленных правил, мы имели Председателем человека, обладающего таким широким и выдающимся опытом в международных делах. Своим опытом, своей мудростью и добросовестностью и своей преданностью стоявшей перед Советом задаче он завоевал любовь и уважение всех членов Совета.

Г-н БОННЭ (Франция) (*говорит по-французски*): От всего сердца присоединяюсь к тому, что сказал г-н Стеттиниус, и хочу выразить Председателю мою благодарность за его изысканную учтивость и за то искусство, с которым он руководил нашими прениями.

Перехожу к вопросу о дате следующего заседания Совета. Мне известно, что мы заседаем непрерывно. Но каждому из нас полезно и приятно знать за день вперед дату следующего за-

седания. Мы могли бы уже сейчас установить день заседания, на котором мы будем обсуждать предложение представителя Польши относительно Испании. Мы вероятно все готовы приступить с завтрашнего дня к рассмотрению этого вопроса. Будет ли это заседание утром или днем? Мы могли бы это решить сейчас. Хотя сегодня утром много говорилось о правах и обязанностях Совета, я все же думаю, что, поступив так, мы не превысим никаких наших полномочий и не нарушим прав нашего завтрашнего председателя.

АФИФИ-паша (Египет) (*говорит по-английски*): Мне кажется, что теперешний Председатель имеет право установить время завтрашнего заседания.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хочу присоединиться к словам, высказанным представителями Соединенных Штатов и Франции относительно работы Председателя за истекший месяц.

Что касается заседания Совета Безопасности, то я также хотел бы выразить пожелание, если это совпадает с мнением большинства членов Совета Безопасности, договориться здесь же о дате следующего заседания. Нельзя ли устроить следующее заседание, например, завтра?

Кроме того, я хочу для большей уверенности уточнить, действительно ли в пятницу будет заседание Совета Безопасности, так как, говорят, в пятницу как-будто праздник. Если пятница неподходящий день, тогда, может быть, наметим четверг для заслушивания мнения Комитета экспертов по меморандуму Генерального Секретаря. Если пятница подходящий день и Совет Безопасности может собраться в пятницу по иранскому вопросу, тогда договоренность, которая здесь была достигнута относительно этой даты, должна быть оставлена в силе.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Три представителя уже предвосхитили мое желание выразить свою признательность Председателю. Поэтому ограничиваюсь тем, что просто присоединяюсь к выраженным ими чувствам, и, мне кажется, я явлюсь выразителем наших общих чувств, если скажу ему, что мы все глубоко ценим выполненную им работу и ту ответственность, которую он нес в течение прошедшего месяца.

Что касается следующего заседания, то мне представляется желательным установить теперь же день для рассмотрения вопроса, поднятого мной в моем письме на имя Генерального Секретаря, и я считаю, что наилучшим временем для этого было бы завтра днем. После этого мы можем собраться, чтобы заслушать доклад Комитета экспертов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Прошу вас верить, что я глубоко благодарен за любезные слова, сказанные по моему адресу г-ном Стеттиниусом и моими французским, советским и польским коллегами. Мне кажется, я могу сказать, что моя задача, как председателя, была нелегка в этот начальный период устройства Совета Безопасности. Но видя этот пост с неизбежным чувством облегчения, я более ра-

дужно чем когда-либо смотрю на будущее Совета Безопасности и на его успехи. Наши дискуссии были искренни и откровенны, иногда становились горячими, но это в порядке вещей. Мы все воодушевлены одной целью и одним стремлением: обеспечить эффективное функционирование Организации Объединенных Наций в соответствии с Уставом и укрепить ее престиж на пользу всех ее членов. Нами не руководят узкие националистические и эгоистические интересы; мы стремимся достигнуть единства среди всего присутствующего окружающему нас миру разнообразия, и в этом стремлении роль великих держав особенно ответственна.

Покидая председательский пост, я хочу прежде всего выразить мою глубокую благодарность каждому из моих коллег за всегдашнюю учтивость, сотрудничество и снисходительность. Я уверен, что члены Совета желают, чтобы я выразил нашу признательность сотрудникам Секретариата за все те многочисленные способы,

которыми они нам помогают в нашей работе. Лично я чувствую себя особенно обязанным по отношению к Генеральному Секретарю г-ну Ли и к Помощнику генерального секретаря г-ну Соболеву, без содействия которых я бы еще гораздо хуже справился со своими председательскими обязанностями.

Мой преемник Афифи-паша был моим коллегой в Лондоне несколько лет тому назад, когда мы оба были там членами дипломатического корпуса в качестве представителей наших стран. Завтра он возьмет в руки председательский молоточек, и я желаю ему всякого счастья в его работе.

Ввиду того что некоторые члены Совета выразили пожелание, чтобы дата будущего заседания была назначена мною, что, мне кажется, все еще подлежит моей компетенции, то я назначаю следующее заседание на завтра в 3 ч. дня.

Заседание закрывается в 12 ч. 50 м. дня.